
Искра
в чужом небе.
Valent Kustova

Валентина Кустова

Искра в чужом небе

https://litres.ru/74715652
SelfPub; 2026

Аннотация

Марина вышла во двор за хлебом — и оказалась под лиловым небом с двумя солнцами, где лес принимает её искру, а стеклянные твари уже идут по её следу. Проводник-оборотень предлагает довести до Академии Светлого Круга, но там чужаков не любят, а её силу считают опасной. Дорога домой есть — если она готова заплатить за неё всем, что успела здесь обрести.

Валентина Кустова
Искра в чужом небе

Искра в чужом небе.

Марина знала, что её утро будет паршивым, ещё до того как открыла глаза. Чайник засвистел, она сунула ноги в разношенные кеды и вышла во двор за хлебом, даже не завязав шнурки вязать нечего, всё равно через пять минут развяжутся.

Земля под ногами дрогнула не так, как дрожит, когда поезд метро уходит под землю. Иначе. Глубже. Трещина пошла от её подошвы к крыльцу, и мир сложился в трубу с мокрым звуком, будто кто-то свернул мокрую тряпку.Она ударилась лицом о камень. Не о бордюр и не о щебень, а о плоский серый монолит, от которого пахло нагретой пылью и ничем больше. Нос не сломала, только разбила губу. Встала, сплюнула розовую слюну, отряхнула джинсы.И подняла голову.Небо было лиловым. Не вечерним лиловым, а плотным, как сирень, настоянная на чернилах. Два солнца висели в нём на разной высоте, и у обоих не хватало краёв они выглядели так, будто их надкусили сверху. Под ногами — Голые Камни, поросшие лишайником цвета старой меди. Внизу, куда обрыв уходил, начинался лес, и в нём медленно текли живые серебряные нити, как будто кто-то разлил ртуть по веткам.Марина постояла, переваривая это всё, и сказала

вслух то единственное слово, которое укладывалось в ситуацию:

-Охренеть.

Голос упал в тишину и не нашёл эха. Два солнца не грели, ветер не дул, и только нити в лесу мерцали с ровным пульсом, как светодиоды на роутере, если роутер решает, что вселенная вокруг него на минуту зависла.Она проверила карманы. Ключи на месте, телефон на месте, зажим для денег, в котором никогда не бывает денег, — тоже. Ни карты, ни компаса, ни бутерброда.

-Так. Где тут у вас выход?

Тишина не ответила. Тишина вообще не собиралась отвечать.

Зато из-за ближайшего камня, размером с газель, вышел зверь. Чёрный, большой, с тугими мышцами под шкурой, которая матово ловила свет двух солнц. Жёлтые глаза смотрели прямо на неё так, как смотрят на вещь, которую заранее знают.

Марина не побежала. Она знала: если сейчас побежишь, зверь решит, что ты добыча, и дело кончится быстро и скучно. Она смотрела в ответ, поджав разбитую губу, и ждала.Зверь не напал.Зверь смотрел.Он стоял так, будто давно стоял здесь до неё и собирался стоять после. Голова чуть наклонена, уши вперёд, как у собаки, которая услышала ключи.Марина хмыкнула.

-И что ты мне скажешь? Гавкнешь? Покажешь дорогу?

Или просто стоишь тут, чтоб я не чувствовала себя совсем одинокой в этом лиловом цирке?

Зверь моргнул. Медленно.

Она не знала, сколько это продлится. Никто не знал. Но что-то в его взгляде ей не понравилось он не был голодным, не был злым. Он был узнающим.

Марина смотрела на зверя, зверь смотрел на неё, и этот гляделки затянулись бы до вечера, если бы он не решил, что стоять тут дольше бессмысленно.

Он отделился от камня не резко, а плавно, как будто перетекал из одной позы в другую. Обогнул её слева, заходя за спину, и Марина повела плечом, готовая к рывку. Но он не щёлкнул зубами. Он просто стоял у неё за плечом и ждал, когда она сделает шаг в ту сторону, в которую он подталкивал.Она не сделала.

- Я не пойду туда, куда меня толкают молча. Я не собака. Если ты умеешь говорить — говори. Если нет — покажи знаками, но внятно. Потому что я не собираюсь соваться в лес, где нити светятся, как провода под напряжением, только потому, что какой-то пёс решил, что мне туда надо.

Зверь моргнул снова. Потом развернулся и пошёл к обрыву сам. Не оглянулся, не позвал. Просто пошёл.Марина выругалась сквозь зубы.

-Да чтоб тебя.

Она сделала шаг за ним. Второй дался легче. Потом она просто шла, потому что оставаться на камнях под двумя

солнцами, где тебя никто не ищет, было страшнее, чем идти за зверем, который явно знает, куда несёт лапы.

Лес встретил её запахом, которого она не знала. Сырой, густой, с нотой металла и ещё чего-то, что пахло как мокрый гранит после грозы. Нити текли уже не ртутью, а будто светящейся паутиной, в которой дрожал звук — тонкий, как комариный писк, но не противный, а настойчивый.

Зверь шёл впереди, не сбавляя шага, и чуть наклонял голову к лесу, будто слушал то, что она не слышала.

-Слушай, ты вообще понимаешь, что я говорю? Если да, то один поворот головы в мою сторону. Если нет — продолжай игнорировать.

Зверь не повернул головы.

-Ладно. Буду считать, что ты глухой пёс с хорошим чутьём и твёрдым мнением, куда мне идти.

Она споткнулась о корень, выматерилась, встала, отряхнула джинсы и пошла дальше. Зверь не остановился, не обернулся, не зарычал. Он просто нёс её за собой, как носишь вещь, которую решил не бросать.

И только когда они спустились на полсотни шагов вниз, сзади, оттуда, откуда она пришла, донёсся звук.Тонкий.Стеклянный.Будто кто-то провёл пальцем по краю бокала, но бокал был не здесь, а там, наверху, на камнях, где она лежала лицом вниз.

Марина замерла.

-Что это?

Зверь не остановился. Он ускорился ровно настолько, чтобы она поняла: это не ответ на вопрос. Это приказ больше не спрашивать.Марина остановилась и развернулась — не перед зверем, а лицом к тому звуку, который уже уползал вниз по её позвоночнику.

-Стой. Ты слышал это так же, как я? Скажи, что слышал. Или хотя бы кивни. Потому что если за нами идёт стеклянный звон, я хочу знать, кто на кого охотится, прежде чем лезть в лес, где нити светятся.

Зверь остановился. Не обернулся, не оскалился, не зарычал. Он просто замер. Хвост опустился, уши прижались, и всё в его позе говорило: да, слышал. И ждал, пока она перестанет задавать вопросы.

Марина не перестала.

-Я не пойду дальше, пока ты мне не скажешь — одним движением, хоть каким, — что это было. Голова один раз влево — «опасность, но бежать не будем». Голова вправо — «валим, и быстро». Иначе я сяду на камень и буду ждать, пока стеклянный звон не станет таким громким, что его услышат даже те два солнца.

Зверь повернул голову влево. Медленно. Как собака, которая наконец решила признать, что хозяин что-то понял.Марина выдохнула.

-Ладно. Идём.

Они пошли дальше. Тропа уходила вниз, под корни, между стволами, которые стояли не как деревья, а как колонны,

поросшие мхом. Свет двух солнце едва пробивался сквозь крону, и через пять минут Марина перестала различать, где заканчивается один ствол и начинается другой. Лес дышал. Не ветром — чем-то другим, глубже, будто воздух сам решал, когда входить в лёгкие.

Зверь шёл впереди. Шаг ровный, лапы ступают бесшумно, шерсть ловит свет и гаснет. Марина видела, как его мышцы перекатываются под кожей — плавно, без лишнего движения. Красивый зверь. Смертельно красивый.

На повороте, где тропа сужалась до ширины плеча, он остановился и сел. Ждал, пока она подойдёт. Она подошла. Зверь смотрел на неё — и в его жёлтых глазах мелькнуло что-то такое, что можно было принять за вопрос.Она кивнула.

-Я не знаю, куда мы идём. Я не знаю, зачем ты меня ведёшь. Я не знаю, что это за мир и как из него выбраться. Но я знаю, что стоять на камнях — это ждать, пока стеклянный звон не станет громче, чем твои шаги. Поэтому я иду.Она развела руки.

-Один раз. Я иду за тобой один раз. Если это была ошибка — я разберусь. Но сейчас у меня нет другого варианта, кроме как довериться тому, кто знает дорогу.

И она шагнула вперёд.

зверь встал, отряхнулся и продолжил путь. Но теперь он шёл не впереди, а рядом — на шаг левее, плечом к плечу, как будто решил, что она не настолько безнадёжна.

Через минуту, когда тропа выровнялась и лес стал реже,

зверь остановился. Марина подумала: «Сейчас он покажет, куда дальше. Или сядет и будет ждать, пока я пойму».

Он не сделал ни того, ни другого.

Он обернулся человеком.

Марина моргнула. Это произошло не красиво и не плавно — просто в один миг стоял зверь, в другой стоял мужчина. Высокий, смуглый, с чёрными волосами, падающими на плечи. Глаза — жёлтые, ещё не успевшие смениться на голубые. Всё тело, от запястий до ключиц, покрывали тонкие татуировки: переплетающиеся звёзды и ветви, которые двигались, когда он дышал.

Он смотрел на неё прямо. Без улыбки. Без агрессии. Как на вещь, которую он подобрал и теперь не знает, куда деть.

-Максим.

Он сказал это тихо, с хрипотцой, и замолчал.

Марина ждала продолжения. Её не было.

-И всё? Просто «Максим»? Ни «привет, я твой проводник в этом безумном мире», ни «добро пожаловать в лиловый цирк»? Или ты из тех, кто представляется одним словом, а остальное предлагает угадывать?

Максим качнул головой. Чуть заметно.

-Правила объясню один раз. Тут всё ловит. Доверять никому нельзя. Мне — можно, но недолго. Если хочешь выжить — слушай, что я говорю, и делай, что я скажу. Иначе стеклянный звон станет последним, что ты услышишь.

-Звучит как угроза. Или как очень плохой договор.

-Это не договор. Это правила. Ты хочешь знать правила — я их тебе дал. Остальное — на твоей совести.

Он отвернулся и пошёл дальше, не проверяя, идёт ли она за ним.

Марина выругалась сквозь зубы, но пошла. Потому что стоять на месте было нельзя.

Они спустились ещё на сотню шагов. Тропа вывела их на жилу — светящуюся серебряную нить, которая тянулась поперёк земли, как электрический провод, сорванный с опоры. Лес вокруг неё звенел тихо и настойчиво, будто настраивал инструмент.

Марина шагнула к жиле, чтобы разглядеть её лучше.Максим остановился.

-Стой.

Он сказал это коротко, и в голосе появилась та самая хрипотца, которую она уже слышала. Но теперь его лицо изменилось. Не испуганно — скорее, внимательно, как будто он увидел то, чего не видел раньше.Он смотрел на неё так, будто решал, стоит ли ей говорить то, что он собирался сказать.

2глава

Марина шагнула к нему, сокращая расстояние, и остановилась прямо перед ним, глядя снизу вверх, не отводя взгляда.

-А теперь скажи прямо. Ты решал, говорить мне что-то или нет. Я вижу это по лицу, по тому, как ты на меня смотришь. Так что говори.

Максим не дёрнулся, не отвёл глаз. Он смотрел на неё в ответ, и на мгновение ей показалось, что под его кожей, под татуировками, что-то шевельнулось — не мышца, а сама чернильная ветвь, будто жила сама по себе. Он молчал ровно столько, сколько нужно, чтобы она поняла: он не собирается отвечать легко.

- Я решал, пускать тебя дальше или нет. Ты прошла — пока. Но жилы леса не любят чужих, а ты пахнешь другим миром. Если тронешь хоть одну — лес решит, что ты еда.

Он говорил это так, будто читал сводку. Без эмоции, без страха, без предупреждения — просто факт.

Марина помолчала, переваривая. Она уже знала, что в этом мире нельзя верить никому, кроме интуиции. Но Максим не дал ей повода не верить.

-Допустим, я поняла. Тогда куда мне идти? Или ты так и будешь стоять столбом, пока мы оба не поймём, что звон стал громче?

Максим развернулся и пошёл в обход жилы, туда, где лес расступался в узкий проход между стволами. Она двинулась за ним, но не как хвост — как равная, на шаг позади, готовая в любой момент остановиться.

Он вёл её через распадок. Не быстро, не медленно, а с ритмом того, кто привык проверять, а не спасать. Каждые несколько шагов он останавливался, оглядывался, ждал, пока она подойдёт, и снова срывался. Это было испытание, а не сопровождение.

-Я не слепая. Я вижу, что ты меня гоняешь.

-Ты сама напросилась. Хочешь знать правила — учись на ходу.

Марина прикусила язык, но не остановилась. Она уже поняла: если сейчас встанет — проиграет. Не ему — себе.

Они прошли через распадок, где жилы лежали поперёк земли, как светящиеся артерии. Максим шёл по их краю, не касаясь, и она делала так же, хотя пальцы чесались тронуть эту дрожащую серебряную нить. Но она не тронула.

Он повернул влево, к узкому рукаву между корнями, и сбавил шаг. Тишина сгущалась. Даже нити, которые мерцали, казалось, стали светить тусклее.

Максим замер. Слушал.

Потом он тихо, хрипло, сказал:

-Поздно. Они уже здесь.

Марина не успела спросить «кто» — она услышала звон. Тонкий, настойчивый, как ветер, запертый в стеклянной банке. Он шёл не сверху, не снизу — отовсюду, будто воздух сам зазвенел.Марина шагнула вплотную к нему, плечом к плечу, и он не отодвинулся. Не дёрнулся, не зарычал, не сказал «отойди». Её плечо коснулось его плеча, и было в этом что-то такое, что не требовало слов: они оба знали, что сейчас рубеж.

Стеклянный звон нарастал. Пространство сужалось — деревья с двух сторон сдвигались, как стены в старом фильме, который она смотрела в детстве. Распадок превратился в

узкий рукав, где повернуться мог только один. Максим шёл оглядываясь, и каждые пару шагов он оборачивался на неё — не проверяя, а считая. Она знала этот взгляд тренера по спарингу, пересчитывающего секунды до удара.

Тут лес сделал паузу. Тишина на миг стала плотной, как вата, — звон отступил, будто затаил дыхание.

Марина переступила с ноги на ногу — ей было душно, горячо, ирритация клокотала где-то под местом, где обычно бывает солнечное сплетение. Она смотрела на Максима, но не в глаза, а на то, как его скула заострилась, когда он слушал. Он не боялся. Он именно что насторожился.

-Беги.

Он сказал это не голосом спасателя, а голосом того, кто знает, что бежать сейчас — такой же осмысленный подвиг, как стоять. Она не спросила «куда», не спросила «зачем». Она побежала.

Ноги понесли её вперёд, по корням, по мху, по камням, вылезающим из земли острыми углами. Она падала хорошо — по-своему, с разбитыми коленями и матом, но щипком уворачивая лицо. Она вставала ещё быстрее, и каждый раз Максим оказывался сзади — чуть левее, перекрывая сектор, куда звон подступал вплотную. Он прикрывал её спиной, и это не было нежностью, это было ремеслом.

Но в какой-то момент он перестал быть за её спиной и стал над ней. Плечо, вес, корпус — он навалился на неё таким тяжёлым, что она могла только бежать вперёд в том же

направлении, в котором он задавил её корпусом.

Марина упёрлась ему в грудь обеими руками и толкнула. По-настоящему, с отдачей, так, что даже она потеряла равновесие на секунду.

-Слезь, тяжёлый.

Он глянул на неё сбоку, и на мгновение жёлтые глаза мигнули чем-то неожиданным. Не гневом, не раздражением. Весельем. Он хмыкнул — сухо, хрипло, будто удивился, что из него вообще может вылезти такая нота.

-Сама напросилась.

Она фыркнула. Кровь из разбитой губы снова попалась на язык, солёная и липкая, и она выплюнула её прямо на землю, не утруждаясь вытирать. Максим скользнул вперёд, занимая позицию слева, и она не думая сдвинулась правее, доверяя ему фланг. Как будто они уже делали это сотню раз.

Пространство открылось на мгновение — просвет между стволами, где звон ударил в лицо прямо, без помех. В этой прорехе встала фигура. Не чёрная, не серая — прозрачная, как будто набранный из осколков человек. В руке у неё блестел длинный тонкий осколок, заточенный с одной стороны. Лёгкое свечение исходило от краёв, как от разбитой лампы дневного света.Фигура сделала шаг к ним. Не угрожающий, не быстрый — просто шаг, деловой, ровный. Звон, который шёл от неё, резал уши, как нож по стеклу.

Марина замерла. Максим замер с ней — и оба смотрели, не моргая, на того, кто вышел наперерез.

-Теперь ты видишь, что пришло по твой след.

Марина рванула влево, по диагонали, уводя траекторию от Максима, заставляя прозрачную фигуру перестроиться. Корень впился в подошву через дырявую кеду, она споткнулась на ровном месте — и в этот же миг рука сама нашла опору. Ветка. Толстая, сломанная, мокрая от лесного сока. Она схватила её как перекладину, чтобы не упасть лицом в мох.

Ветка не затрещала.

Ветка вспыхнула.

Разряд ушёл из пальцев в мокрую кору так быстро, что Марина не успела отпустить. Запах озона ударил в нос, как нашатырь, и на секунду всё вокруг стало синим — небо, стволы, лицо Максима в двух шагах.

Она разжала пальцы. Ветка упала и догорала на мху, оставляя чёрный обожжённый край. Ладонь саднило, но не кожей — глубже, кость ныла, как после прямого удара об угол железного шкафа.

-Что это было, мать твою?

Максим смотрел на ветку. Не на неё — на то, что осталось от ветки. Он молчал дольше, чем она привыкла у него слышать молчание.

-Ты её тронула.

-Я её взяла. Только взяла, чтобы не упасть. Я не колдовала, не десять раз подумала — просто схватилась за дерево.

-Лес тебя пропустил.

Он сказал это без интонации, как говорят «сегодня вторник». Но то, как он замолчал после, сказало больше, чем слова. Он не трогал её, не толкал, не проверял. Он стоял и смотрел так, будто только что увидел её впервые.

-И что это значит? Что я теперь волшебница?

-Это значит, что ты больше не просто чужачка. Теперь лес тебя знает. А за тем, кого лес знает, приходят.

Он не успел закончить. Из-за ствола, с той стороны, куда ушла фигура, хлынул новый звон — тоньше, выше, сразу с нескольких сторон. Воздух завибрировал. Даже ртутные нити на земле вздрогнули.

Максим дёрнул плечом, и шкура на нём вздыбилась там, где татуировки переходили в шерсть. Он сжал её предплечье — коротко, не слабо, не сильно, как тот, кто уже решил, что делать дальше.

-Беги вниз, я за тобой.

И он обернулся чёрным зверем — не в прыжке, не через плавную трансформацию, а режущим рывком, одним движением, будто второе тело в нём никогда и не спало. Морда щёлкнула в сторону леса, хвост хлестнул по земле, и он прыгнул туда, где звон становился громче.

Марина побежала. Вниз, по корням, в просвет между стволами, не зная, куда, зная только одно: её руки всё ещё пахли озоном, лес её пропустил, и за спиной у неё бился чёрный зверь, который решил прикрыть её своей спиной.

Зглава

Марина остановилась, переводя дыхание, и оглядела ветку, которую всё ещё сжимала в левой руке. Та была сухой, ломкой, с облупившейся корой — обычная палка, каких полно в любом подмосковном лесу. Но сейчас от неё шёл слабый, едва заметный свет, пульсирующий в ритме её сердцебиения.

Она сжала ветку сильнее, и свет стал ярче. Разряд пробежал по коре, оставляя за собой тлеющую дорожку. Марина отдёрнула руку, но ветка осталась в ладони, тёплая, почти горячая, и пульс в ней не угасал.

-Ты опять её тронула. Я ведь сказал — не трогать.

-Я проверяю. Ты сказал «не трогать жилы». Это просто ветка. Если бы она была опасной, ты бы предупредил, а не просто смотрел.

Максим подошёл ближе, глядя на ветку в её руке, и на мгновение его лицо стало таким, будто он увидел что-то, что не ожидал увидеть. Не страх, не восхищение — скорее, подтверждение догадки.

-Жилы леса — это не только те, что светятся на земле. Они везде, где лес чувствует прикосновение. Ты тронула сухую ветку, и лес ответил. Это не случайность.

-И что, я теперь ходячий детектор жил? Если я дотронусь до любого дерева, оно начнёт светиться?

-Нет. Только до того, что само решит тебя принять. Лес выбирает. Ты ему подошла.

Он замолчал, и в этом молчании было что-то тяжёлое, по-

чти осуждающее. Марина не понимала, хорошо это или плохо — быть принятой лесом.

-А что, если я не хочу быть принятой? Если я просто хочу найти выход и свалить отсюда к чёртовой матери?

Максим посмотрел на неё с той же хрипотцой в голосе, и в его глазах мелькнуло что-то вроде усмешки.

-Тогда тебе стоило не трогать ветку. Теперь лес тебя запомнил. И те, кто идёт по следу, тоже запомнят.

Он отвернулся и пошёл дальше вниз, не оглядываясь. Марина, всё ещё сжимая тёплую ветку в руке, сделала шаг за ним — один, второй. Ветка пульсировала в такт шагам, и она чувствовала, как от неё по пальцам расползается лёгкое покалывание, будто та хотела врости ей в кожу.

Она шла и думала: «Что я наделала? Зачем я тронула эту ветку?» Но ответа не было. Только пульс под пальцами и звон где-то вдалеке, который не смолкал, а просто стал тише.Марина догнала его на спуске, когда лес снова раздался вширь и между стволами мелькнули ворота — тёмные, высокие, с живыми ветками, вплетёнными в створки. Она не дала ему уйти в молчание.

-Стой. Ты не сказал мне, зачем пошёл за мной на камни. Ты сказал «правила объясню один раз», но не объяснил главного: почему ты решил меня вести, а не бросить там, под двумя солнцами, где я лежала мордой в камень?

Максим остановился, но не обернулся. Плечи напряглись, голова чуть наклонилась, и она услышала, как он втянул воз-

дух сквозь зубы — долгий, будто принимал решение.

-Ты не отстанешь, да?

-Нет.

Он помолчал. Потом повернулся к ней, и в желтых глазах, ещё не успевших стать голубыми, мелькнуло что-то, чего она не ждала. Не раздражение. Не снисхождение. Усталость.

- Я вышел на звон. Услышал стекло и пошёл на него — потому что тот, кто звонит, обычно либо мёртв, либо стеклянный. А стеклянные не звенят просто так: они звенят, когда чуют живое. Я думал, что найду разбитую тварь или чей-то след. А нашёл тебя.

-И ты решил, что я не стеклянная? Или что меня можно вытащить?

-Я решил, что тебя не стоило оставлять. Не потому, что ты особенная. А потому что на камнях ты смотрела на меня так, будто готова была ударить первой, если бы я шагнул. И это стоило того, чтобы посмотреть, что из тебя выйдет.

Марина усмехнулась. Не широко, а краем губ, и эта усмешка сказала ему больше, чем любые слова.

-Ну, теперь знаешь. Выходит искра, ветки и разбитая губа.

Он не ответил. Просто двинулся дальше вниз, к воротам, которые светлели с каждым шагом. Она пошла за ним, чувствуя, как подошвой бьётся пульс той самой ветки, всё ещё зажатой в руке.

Ворота приблизились. Стали видны не только створки, но и стражи: двое в тёмных плащах, с длинными жезлами, у ко-

торых на концах горел белый свет. Они стояли неподвижно, смотря прямо перед собой, и Марина почувствовала, как ветка в её руке дёрнулась — не сильно, а так, будто её тронули током.

-Не показывай ветку, пока не войдём. Стражи не любят того, что пахнет лесом так, как пахнет твоя.

Марина сунула ветку в карман куртки, прижав её локтем, и пошла за ним, стараясь, чтобы её шаги звучали так же уверенно, как его. Лес сзади не смолкал — звон стекла становился тоньше, выше, будто твари нашли новый ход.

Они уже почти дошли до ворот, когда из-за спины, из леса, послышался звук, который она узнала бы теперь везде: тонкий, режущий свист, переходящий в звон, — голос стеклянного, уходящего в обход.

Марина обернулась. Он не бежал на них. Он уходил вдоль — параллельно стене, к боковому проёму.

Она поняла.

-Он идёт сказать. Раньше, чем мы войдём.

Максим не ответил. Он уже скидывал куртку, и под ней чёрная шерсть пробивалась сквозь кожу быстрее, чем она успела заметить. Он шагнул влево, перекрывая угол, откуда мог ударить обходной стеклянный, и рыкнул сквозь сжатые зубы.

Они стояли плечом к плечу: она с влажной веткой в кармане, он — уже наполовину зверь, готовый рвать. И звон нарастал с обеих сторон.Марина развернулась к стражам у во-

рот и крикнула, перекрывая звон:

-Эй, вы, с жезлами! У вас там обходной. Не стойте столбами — смотрите влево, за стену. Он идёт не сюда, он заходит сбоку, чтобы успеть раньше нас.

Стражи дёрнулись одновременно. Первый шагнул влево, разворачивая жезл, и белый свет на его конце полыхнул, вырвав из тени проём между стеной и лесом. Второй остался у створок, но теперь смотрел не внутрь, а туда, куда она указала. Звон на миг перекрыл всё — резкий, вскрывший тишину, как нож — и они оба услышали его.

-Быстро сообразила.

Марина не обернулась. Она уже шагнула в проём ворот, следом за Максимом, втягивая голову в плечи, будто входя под низкую притолоку. Страж у входа проводил её взглядом, но не остановил. Жезл не перекрыл дорогу. Её пропустили.

Приёмный зал распахнулся не сразу. Сначала был короткий коридор с живыми ветками в стенах — они тянулись к ней, но не трогали, только шевелили кончиками, как любопытные пальцы. Пахло воском, сухой травой и ещё чем-то тонким, электрическим, что она уже узнавала. Потом ветки расступились, и зал раскрылся.

Высокий, круглый, с галереей по второму ярусу. Огни-светлячки размером с кулак плавали под потолком — десятки белых шаров, которые горели ровно, без мерцания, будто их привязали к невидимой сетке. Пол был из плит тёплого серого камня, с тёмной прожилкой, идти по нему было

не как по полу, а как по спине спящего животного.

Магистр Велла ждала их в центре. Не у входа, не у стены — в центре, одна, неподвижно, сложив руки так, будто они держали что-то невидимое. Седая, ровная, в тёмно-синем платье, которое струилось без складок. Серые глаза смотрели не на Максима — на неё. Поверх головы проводника, сквозь него, как сквозь стекло.

-Я Марина. Меня выбросило сюда неизвестно откуда. За мной шли стеклянные, я иду с ним. Я хочу найти выход домой.

Велла выслушала молча. Не перебила, не кивнула, не сменила позу. Только когда Марина замолчала, она сказала — медленно, точно, будто резала ножницами бумагу:

-Тебя зовут Марина. Ты из другого мира. За тобой пришли. Проводник привёл тебя сюда. Я вижу всё это без твоих слов. Вопрос не в том, что я знаю. Вопрос в том, готова ли ты принять, что твоя искра — не секрет и не случайность.

Марина не ответила. Потому что в зале стало тихо. Даже светлячки на миг перестали пульсировать, будто воздух ждал.

Велла подошла ближе — на один шаг. Протянула руку. Коснулась её лба сухими пальцами, без нажима, без жеста силы — просто прикосновение.

Зал полыхнул.

Марина почувствовала это кожей — разряд прошёл от виска до ребер, как вторая кожа, натянутая слишком туго.

Светлячки под потолком взорвались светом — не оглушительным, а полным, будто каждый шар решил показать всё, на что способен. Несколько мгновений зал был не серым, а белым, и в этом белом стояла только она, Велла и Максим, чуть слева, не двигаясь.

- Метка поставлена. Искра сильная, необученная, опасная. Ты зачислена условно, на проверку. Жить будешь в комнате при лаборатории. Правила узнаешь на месте.

Она говорила это так, будто диктовала протокол. Ни ноты восторга, ни тревоги. Только констатация.

Марина перевела дыхание. Пальцы всё ещё держали ветку в кармане куртки, и та пульсировала в такт тому, что осталось от разряда.

-Условно — это пока я не сделаю что-то не так?

-Условно — это пока мы не решим, что с тобой делать.

Она развернулась и пошла к выходу из зала, не оглядываясь. Максим остался стоять рядом с Мариной, глядя не на Веллу, а вверх, на галерею.

Там, на втором ярусе, между резными перилами, стоял человек. Она не заметила его сразу — он стоял неподвижно, без жестов, не приближаясь к краю. Светлые глаза, аккуратная бородка, улыбка, которая не касалась ничего, кроме губ. Он смотрел на неё так, будто запоминал.

Марина перехватила взгляд Максима. Тот чуть качнул головой — коротко, без слов, и в этом жесте было то, чего она не успела спросить вслух: «Не сейчас. Потом».

Но она уже знала: этот человек на галерее будет смотреть дольше, чем все остальные. И дольше, чем ей хотелось бы.

4 глава

Марина шагнула вперёд, заслоняя собой проём ворот, и повернулась к Велле не как просительница, а как тот, кто договаривается на равных. Стеклянный звон за стеной не стихал — он перестраивался, искал новый вход, ждал, когда створки останутся без присмотра.

-Я понимаю, что такое «условно» и «на проверку». Но я хочу знать, на каких условиях. Что будет, если я сорвусь? Если я не справлюсь с искрой? Если я решу, что мне здесь не место, и попробую уйти? Потому что я не собачка, которую можно посадить на цепь в лаборатории и ждать, пока она покажет фокус. Я так не работаю.

Велла остановилась у выхода, не оборачиваясь. Серая спина, струящееся платье, рука на косяке — она стояла так, будто решала, тратить ли время на ответ.

-Если сорвёшься — до первого раза разберутся. Если не справишься — до нас никто не доживал, так что это не твоя забота. Если решишь уйти — дверь открыта, но лес тебя уже знает, и стеклянные тоже. Спрос на тебя будет не здесь, а снаружи. Условия проверки одни: не навреди, не подведи, не сбеги. Остальное решится по ходу.

Она договорила и ушла, не дожидаясь благодарности.

Марина выдохнула, чувствуя, как ветка в кармане пульсирует всё сильнее — будто разряд Веллы разбудил в ней что-

то, что не собиралось засыпать обратно. Максим стоял рядом, не вмешиваясь, и она краем глаза видела, как он перевёл взгляд с Веллы на галерею — туда, где стоял человек с бородкой, не сводя с неё глаз.

-Она сказала ровно столько, сколько нужно. Не рассчитывай на большее.

-Я и не рассчитываю. Я просто хочу, чтобы правила были понятны. А теперь — где тут у вас ближайший выход обратно в лес? Потому что у меня там стеклянный, который ушёл в обход, и я не собираюсь ждать, пока он вернётся с подкреплением.

Максим хмыкнул — тот самый хриплый звук, который она уже узнавала. Не одобрение, не насмешку, а что-то среднее, означавшее «ладно, ты серьёзно, а я не буду тебя отговаривать».

-Тебе не нужно в лес. Ты его уже закрыла — тем, что вошла сюда и оставила разряд на пороге. Стеклянный не вернётся, потому что он понял: ты под защитой. Пока.

Она не поверила ему до конца. Но запах озона всё ещё висел в воздухе, и ветка в кармане гудела, как трансформаторная будка после грозы.

Они пошли к выходу из зала — не к воротам, а к боковой двери, откуда открывался проход во внутренний двор, залитый ровным белым светом. Марина шагнула в проём и на миг замерла: двор был пуст, только живая изгородь из мерцающих синих трав тянулась вдоль стены, и за ней, в сизой

дымке, стоял лес — тот самый, из которого они пришли.

Звон не вернулся. Он стал тише, дальше, будто лес сбросил напряжение. Но Марина знала: он не исчез. Он просто ждёт, пока она сделает новый шаг.Марина догнала Веллу уже на галерее, у выхода во внутренний двор. Та остановилась, услышав её шаги, — не обернулась, не сменила позы, просто встала и ждала, пока воздух догонит звук.

-Один вопрос. Прямой. Где выход назад в мой мир?

Велла помедлила ровно столько, сколько нужно, чтобы вопрос потерял свою резкость, и заговорила тем же ровным голосом, которым диктовала протокол зачисления.

-Выхода в твой мир с этой стороны нет. Есть дверь, но она не здесь. Она там, откуда ты пришла — в камнях, в лесу, в том месте, где тебя выбросило. Если ты хочешь её открыть, тебе нужна искра. Но искра, которая тебя выкинула сюда, — это не ключ. Это замок. Ты не можешь войти обратно через то же отверстие, не зная, как оно работает. Лес тебя знает. Лес тебя запомнил. Но дороги домой на карте этого мира нет.

Она выговорила это без интонации. Как погоду. Но слова вошли в Марину глубже, чем разряд на пороге.

Максим шевелился за её левым плечом — не отходил, не вмешивался, просто стоял и переводил взгляд с Веллы на галерею, где на втором ярусе недвижно стоял человек с бородкой. Тот не ушёл. Он стоял, полускрытый колонной, улыбаясь в никуда, и смотрел на неё.

-То есть я здесь застряла, пока не выучу всю их магию, не

найду ключ и не вернусь через то же место, где меня выкинуло.

Велла не поправила. Она просто смотрела на неё, ожидая, что та скажет дальше. Марина сдержала первую реплику и выдала следующую:

-А если я его уже открыла? Стеклянный, который ушёл в обход, — он знает, что я здесь. Он уже доложил куда надо. Пока мы стоим тут и считаем входы, он уже привёл тех, кто меня ищет.

-Стеклянные — это не гончие. Они не бегают по команде. Они приходят только тогда, когда чуют искру вблизи. Твоя искра остыла, когда ты зашла за ворота. Сейчас ты для них — пустой звук. Пока ты внутри, у тебя есть время. Неделя. Две. Может, месяц. Потом они привыкнут к твоему запаху и придут снова.

Марина почувствовала, как ветка в кармане вздрогнула — один раз, коротко, будто соглашаясь с Веллой. Интересно, что она вообще могла чувствовать.

Двор был пуст. Только живая изгородь из синих трав тянулась вдоль стены, бросая на каменные плиты короткие зыбкие тени. За ней, в сизой дымке, стоял лес — тот самый, из которого они пришли. Тишина во дворе была не той, что бывает после бури. Она была той, что бывает перед бурей, когда всё готово, но никто ещё не нажал на спуск.

Максим подошёл ближе, с той стороны, которую она не контролировала, и заговорил, глядя не на неё, а в ту сторону,

где стоял человек на галерее.

-Она не сказала главного. Дороги домой нет, но ты здесь не навсегда. Просто пока. Условное зачисление — это не приговор, а прихожая. Ты стоишь на пороге. Куда шагнёшь — твоё дело.

-Я шагну в комнату при лаборатории. Чтобы выспаться, перевязать руку и понять, как я буду выкручиваться из того дерьма, в которое попала.

Он не ответил. Только хмыкнул — коротко, хрипло, с той нотой, которую она уже научилась узнавать. Это был не смех, не одобрение, а что-то между ними.

Велла повернулась и пошла к лестнице, ведущей в боковое крыло. За ней двинулись двое в серых плащах, которых Марина не заметила, пока они не шевельнулись. Стражи. Или лаборанты. Или кто-то, кто должен был провожать новых до кабинета распределения.

За спиной у них, на галерее, человек с бородкой не уходил. Он стоял, полускрытый колонной, и улыбался в никуда.

Двор остывал. Огни-светлячки в зале за её спиной гасли один за другим — не все сразу, а по одному, как выключаемые лампочки.

Максим на шаг отстал, пропуская её вперёд, и когда она входила в проём между колоннами, он коротко тронул её за локоть — не сильно, не слабо, а так, чтобы она обернулась.

-Смотри в оба. Здесь не только стеклянные смотрят на тебя.

5 глава

Коридоры Академии оказались не коридорами, а живыми артериями. Ветки в стенах тянулись к ней, когда она проходила мимо, — не касаясь, а так, как тянутся пальцы к теплу, не решаясь тронуть. Светлячки размером с кулак плыли над головой, и каждый, когда она проходила под ним, на миг менял цвет с белого на синий — и возвращался обратно, когда она уходила.

Драган шёл рядом, не глядя на неё. Он не замедлял шаг, не оборачивался, не объяснял, куда они идут. Просто шёл, и от него пахло бинтами, землёй и тем особенным запахом, который появляется у человека, который слишком много раз падал и вставал до того, как другие успели упасть.

-Мне сказали — комната при лаборатории. А где она?

-Третья дверь слева после развилки с живой веткой. Если ветка тебя тронет — ты сбилась с пути.

Он сказал это без паузы, без вздоха, как будто это было самым очевидным правилом в мире. Марина не успела спросить, что значит «тронет», — он уже свернул за угол, и ей оставалось только идти за ним.

Коридоры петляли. Сначала широкий, с высокими сводами, где на стенах висели гербы факультетов — тусклые, с выцветшими красками, как будто их выставляли на солнце дольше, чем нужно. Потом коридор сузился, ветки в стенах стали толще, и светлячки полетели ближе — не над головой, а на уровне плеча, заглядывая в лицо.

Пахло травами. Пахло воском. И ещё чем-то, что она не могла назвать, но узнавала: так пахнет воздух после разряда молнии, когда туча уже ушла, а гром ещё не догнал.

Драган заговорил снова — отрывисто, без предупреждения, как военный, ведущий новобранца на первую смену.

-Стойка — это база. Если не удержишь стойку, никакая искра не поможет. Искра — вторая очередь. Ты её чувствуешь, но не знаешь, как ею владеть. Владение — это выдох. Вдох берёт силу, выдох её выпускает. Если задержишь дыхание — сила взорвётся внутри.

Марина слушала, не перебивая, и запоминала каждое слово. Она не знала, сколько из этого ей пригодится, но знала: в этом мире слова стоят дороже удара.

-А что, если не успеваю выдохнуть?

-Тогда ты либо отключаешься, либо взрываешься. Выбор за тобой.

Он не шутил. Она проверила по лицу — ни тени улыбки, ни намёка на юмор. Только чёрные бинты на предплечьях, которые туго обхватывали кожу, и хриплый голос, который, казалось, сам по себе был звуком человека, привыкшего отдавать приказы, а не объяснять.

Они вышли к развилке, где в стене изгибалась живая ветка — толстая, с корой, покрытой мелкими шипами. Она тянулась к проходу, перекрывая его почти до середины, и когда Марина подошла ближе, ветка дрогнула — не угрожающе, а так, как дышит животное во сне.

-И что, если она меня тронет?

Драган остановился, развернулся к ней и посмотрел так, что на миг ей показалось, что за бинтами и хрипотой у него лицо человека, который знает о мире больше, чем говорит.

-Значит, ты свернула не туда. Живая ветка — она не враг, она страж. Если ты сошла с курса — она тебя поправит. Если нет — пропустит.

Марина шагнула вперёд, обходя ветку с той стороны, где она расступалась шире, и прошла, не коснувшись её. Ветка дрогнула ещё раз — и замерла.

Коридор распахнулся в небольшую нишу, где стояла дверь — деревянная, с металлической табличкой, на которой было выгравировано: «Лаборатория № 7. Комната для временно размещённых».

-Вот и мой дом.

Она толкнула дверь и вошла внутрь. Комната была маленькой: койка, стол, стул, одно окно, выходящее во двор. На стене — ещё одна живая ветка, тонкая, почти незаметная. Она тянулась к потолку, и Марина заметила, что на кончике её пульсирует крошечная серебряная искра — размером с горошину, едва заметная.

Драган остался на пороге.

-Отдыхай. Завтра в шесть на плац. Не опаздывай.

Он закрыл дверь, и шаги затихли в коридоре.

Марина села на койку, сняла куртку, повесила её на спинку стула, и посмотрела на ветку у потолка. Искра пульсиро-

вала ровно, тихо, так же, как та, что осталась в её руке после зала с Веллой. Она не знала, что это значит, но знала: здесь ничего не бывает просто так.

За окном стемнело. Двор залился синим светом, и лес за стеной вздохнул — тихо, протяжно, как человек, который долго молчал и наконец решил заговорить.Марина сидела на койке, глядя на ветку у потолка. Та пульсировала ровно, размеренно, как второе сердце, встроенное в стену. Она протянула руку, не касаясь, и почувствовала, как от пальцев к ветке потянулось тепло — невидимое, но ощутимое, будто между ними натянулась тонкая нить.

Она отдёрнула руку. Ветка дрогнула, будто спрашивая: «Ну?»

Марина выдохнула и снова протянула руку, на этот раз медленнее. Она решила: если эта штука в стене — часть того же леса, что принял её ветку, то, может, она сможет понять, как это работает, не выходя из комнаты.

Она коснулась кончика ветки подушечкой указательного пальца. На миг ничего не произошло. Потом ветка дёрнулась — не больно, а так, будто её щекотнули, — и по коре побежала серебряная вспышка, тонкая, как капилляр. Она обвила палец, не обжигая, и замерла, пульсируя в такт сердцебиению.

Марина смотрела на это, не дыша. Пульс под пальцем был её собственным, но усиленным, будто лес внутри стены повторял за ней каждое движение сердца.

Она сидела так несколько минут, не двигаясь, просто чувствуя, как тепло растекается от пальца по ладони, по запястью, до локтя. Ни боли, ни страха — только лёгкое покалывание, как после долгого сна, когда отлежал руку.

Потом она убрала палец. Вспышка погасла, и ветка вернулась в своё обычное состояние — тёмная, неподвижная, с едва заметной искрой на кончике.

Марина перевела дух. Она не знала, что это было — эксперимент или случайность, — но знала одно: лес внутри стены её не отверг. Он ответил. И это было больше, чем она могла сказать о большинстве людей в этом мире.

Она легла на койку, глядя в потолок, где ветка снова замерла, и думала, что завтра, на плацу, ей придётся выйти одна. Без Максима, без Драгана, без ветки в кармане. Только она и те, кто будет смотреть.

А наутро её вызвали не на плац. За ней пришли.

Марина открыла глаза от стука в дверь — короткого, ровного, не терпящего отлагательств. На пороге стояла магистр Велла, одна, без сопровождения, в том же тёмно-синем платье, что и вчера. Серые глаза смотрели прямо, без намёка на приветствие.

- Вставай. Сегодня ты идёшь не на плац. Ты идёшь на урок стихийной боевой магии.

Марина села, протирая глаза.

- Я думала, меня сначала погоняют на плацу. Драган сказал в шесть.

-Драган сказал в шесть, если сорвёшь занятие. Я говорю тебе сейчас — покажи на уроке то, что сделала в лесу веткой. При всех.

Марина замерла, переваривая. Потом фыркнула.

- То есть я должна выйти перед аудиторией, полной студентов, и показать, как из моей руки бьёт молния в деревяшку? Звучит как отличный способ стать посмешищем, если не выйдет.

- Ты выйдешь не чтобы стать посмешищем. Ты выйдешь, чтобы узнать, что ты можешь, когда на тебя смотрят. Я смотрю не на результат. Я смотрю на то, как ты держишь себя, когда никто не прикрывает.

Марина помолчала. Внутри неё боролись два голоса: один говорил «соглашайся, это шанс», другой — «откажись, это ловушка». Но она знала, что в этом мире отказ от проверки хуже провала.

-Ладно. Я выйду. Не потому что ты сказала, а потому что мне самой интересно, на что я способна.

Велла не ответила. Она развернулась и пошла по коридору, не проверяя, идёт ли Марина за ней.

Марина встала, натянула куртку, сунула ноги в кеды и вышла в коридор. Ветка в стене, когда она проходила мимо, дрогнула — один раз, коротко, будто прощаясь. Или предупреждая.

Аудитория стихийной боевой магии оказалась круглой, с высокими сводами, где по стенам вились те же живые вет-

ки — только толще, плотнее, с листьями, которые светились изнутри зелёным. В центре пол был расчерчен кругами — три вложенных, с точкой в середине. Там, в центре, лежала небольшая ветка, сухая, с облупившейся корой — точь-в-точь та, что она сожгла в лесу.

Студенты уже собрались — десятка полтора, в тёмных формах, с серьёзными лицами. Они стояли вдоль стен, не садясь, и смотрели на неё с тем выражением, которое бывает у людей, пришедших на бесплатное шоу.

Марина встала у входа, чувствуя, как под рёбрами пульсирует то же тепло, что ночью в комнате. Ветка в центре пола казалась обычной, ничем не примечательной — но она знала, что если коснётся её сейчас, всё может повториться.

Велла вошла следом, негромко, и встала у стены напротив входа, скрестив руки. Она не смотрела на Марину — она смотрела на аудиторию, на студентов, и ждала.

Дверь сбоку открылась, и вошёл Драган. Не в бинтах сегодня — в чёрной куртке, с перевязью через плечо. Он встал у стены слева, плечом к студентам, и тоже смотрел не на Марину, а на центр круга.

Аудитория наполнилась тишиной. Студенты замерли. Велла чуть качнула головой — знак начинать.

Марина шагнула в центр круга, к сухой ветке. Она наклонилась, взяла её в руки — и по коре побежала та самая серебряная вспышка, что ночью в комнате. Только теперь она была ярче, быстрее, и от неё шёл звук — тонкий, как струна,

натянутая до предела.

Студенты отступили на полшага. Кто-то охнул. Кто-то замер с открытым ртом.

Драган не шевельнулся. Велла не шевельнулась. Они смотрели не на ветку — на неё. На то, как она держит спину, как дышит, куда смотрит.

Марина сжала ветку сильнее, и разряд ударил в пол — не в потолок, не в сторону, а вниз, в центр круга, где плита на миг засветилась белым и погасла.

Ветка в её руках догорела до пепла. Марина разжала пальцы, и пепел осыпался на камни.

В аудитории стало тихо. Все смотрели на неё.

Драган хмыкнул — тот самый хриплый звук, который она уже знала. Велла чуть наклонила голову, не отрывая взгляда от её лица.

Марина стояла в центре круга, одна, с пустыми ладонями, и смотрела на пепел у ног.

Ветка сгорела. Искра вышла. Но она всё ещё чувствовала под пальцами ту самую пульсацию — слабую, но настойчивую, идущую от камня, от стен, от воздуха, который ещё хранил запах озона.

Велла повернулась к студентам и сказала — негромко, ровно, как на лекции:

Магистр Велла: Запомните этот момент. Не потому что она показала силу. А потому что она не отступила, когда все смотрели.Она подняла голову и держала их взгляды. Не вы-

зовом, не наглостью — просто смотрела в ответ, не отводя глаз, пока тишина не стала тяжелее, чем запах озона. Студенты моргнули первыми. Кто-то опустил взгляд, кто-то уставился в пол. Марина стояла в центре круга с пустыми ладонями и чувствовала, как под рёбрами пульсирует то самое тепло — только теперь оно не угасало, а нарастало, как будто ветка была не проводником, а спусковым крючком, и она всё ещё не сделала выдох.

Она попробовала выдохнуть. Искра не пошла за дыханием — она пошла за страхом. Ветка сгорела, но разряд в руке остался, и теперь ему некуда было выйти, кроме как в неё саму. Пальцы задрожали. Она сжала кулак, пытаясь удержать, и в этот же момент потолок над ней полыхнул.

Разряд ушёл вверх, как молния, сорванная с поводка. Каменные плиты над головой треснули с сухим звуком, и несколько осколков упали в круг — один скользнул по плечу студентки в первом ряду, другой разбился у ног Драгана.

Аудитория взорвалась шумом. Студенты отступили к стенам, кто-то закрыл голову руками, кто-то побежал к выходу, и над всем этим — плотный сизый дым, в котором пахло грозой и палёной проводкой.

Марина стояла в этом дыму, опуская руки, ещё не понимая, что сделала не так. Она сделала всё так же, как с веткой, — та же вспышка, то же ощущение, что сила идёт из пальцев, а не в них. Но ветки больше не было, и искра ушла одна.

Кто-то схватил её за шиворот. Рывок, который выдернул

её из центра круга, приложил спиной к стене, и она ударилась лопатками о живую ветку, ещё дымящуюся от прошедшего разряда.

Драган. Он стоял вплотную, лицом к лицу, и его голос был хриплым, как наждак, перетёртый с песком.

-Ещё раз сорвёшь занятие — пойдёшь ко мне первой парой на весь семестр. И поверь, первой парой ты запомнишь не потолок, а пол плаца. Ты не контролируешь силу. Ты пускаешь её, как шампанское из бутылки, которую трясли час. Так не работает. Ни здесь, ни в лесу, ни в твоём мире.

Он отпустил воротник, отступил на шаг и ждал, пока она выдохнет. Она выдохнула, чувствуя, как по рёбрам расходится тупая боль от удара о стену. Не страха, не отчаяния — злости. На себя, на потолок, на то, что не смогла удержать.

Дым оседал. Студенты смотрели не на неё, а на Драгана, который перекрыл собой проём к выходу, не давая никому уйти до того, как он закончит разбор.

-Ты опасна. Не для них — для себя. Пока не научишься выпускать искру на выдохе, а не на страхе, ты будешь разносить всё вокруг. И если сорвёшь ещё раз — я не буду тебя жалеть.

Он развернулся, делая шаг к выходу, но на пороге остановился, не оборачиваясь. В голосе его появилась та редкая нота, которую Марина слышала второй раз за сутки, — не приказ, не угроза, а что-то похожее на предложение.

-Хочешь не сорвать — приходи ко мне на плац до рассве-

та. Один раз предложил.

Он вышел в коридор, и шаги стихли.

Марина осталась стоять в аудитории, в густеющем озоновом дыму, под потолком, который ещё не остыл. Студенты расходились молча, не глядя на неё. Только девушка в первом ряду, с порезом на плече, задержалась на миг и бросила короткий взгляд — не злой, не испуганный, а изучающий, как будто запоминала лицо.

Где-то внизу, под сводами, отсчитывали минуты до рассвета.

6глава

Марина подошла к девушке, которая стояла у стены, прижимая ладонь к плечу. Та была старше, чем показалось сначала — лет двадцать, с тёмными волосами, собранными в узел, и взглядом человека, который привык, что его замечают только когда истекает кровь.

-Дай посмотрю.

Она протянула руку, но не тронула — ждала, пока та сама отведёт ладонь. Девушка мотнула головой, коротко, и сказала тоном, каким обычно просят не лезть:

— Не надо. Я сама.

-Я не предлагаю тебя лечить. Я просто хочу знать, что это я тебя зацепила, а не потолок.

Та помолчала, потом убрала руку. На плече темнел длинный порез — не глубокий, но аккуратный, как от осколка. Кровь уже сворачивалась.

— Не ты. Камень. Ты просто сняла его с потолка, а упал он сам.

Марина кивнула. Она знала, что это неправда, но ценила попытку смягчить удар. Она помогла ей отряхнуть рукав, и на этом разговор закончился. Девушка ушла первой.

В аудитории остались только Велла, которая стояла у стены, не двигаясь, и запах озона, въевшийся в стены. Марина постояла ещё минуту, глядя на дым, уползающий к сводам, потом вышла в коридор.

Она не пошла на плац. Пошла в свою комнату, чтобы перевести дух, и нашла Максима у двери. Он сидел на корточках у стены, подперев плечом ту самую живую ветку, и ждал, не стуча. Увидев её, он встал, отряхнул штаны и сказал без приветствия:

-Вечером. Я покажу тебе место.

-Какое место?

-То, где ты сможешь не срывать потолок.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь.

Вечер наступил быстрее, чем она привыкла в этом мире. Два солнца сели разом, оставив над лесом лиловую полосу, которая гасла как догорающий фитиль. Огни-светлячки на стенах зажглись одновременно, и коридоры стали синими, как аквариумы.

Максим ждал её у боковой калитки — той, что вела не к главным воротам, а в лес, в обход стены. Он стоял опершись на створку, скрестив руки, и смотрел куда-то поверх дере-

вьев, будто считал шаги до того, что должно было произойти.

-Идём. Тихо.

Она пошла за ним, не спрашивая куда. Через калитку, вниз по тропе, которая уводила от Академии к границе леса. Здесь жилы подходили к самой стене — не тонкие, а толстые, пульсирующие, с серебряным светом, который шёл из глубины земли, как свет из-подо льда.

Максим остановился на краю, где жила выходила на поверхность, и сел на корточки. Он не указывал, не объяснял. Просто сидел и ждал, пока она подойдёт.

-Смотри.

Он протянул руку над жилой — не касаясь, а ладонью вниз, на расстоянии пальца. Искра из его пальцев не ударила в землю, а потянулась вверх, в воздух, в его ладонь, и он втянул её, как втягивают воздух носом. Без вспышки, без шума. Просто движение, законченное и точное.

-Ты можешь её взять, не трогая?

-Да. Она уходит не в дерево, а в тот, кто её зовёт. Если знаешь, как позвать.

Марина смотрела на его пальцы, на то, как искра вошла в него, не оставив следа. Он держал её в ладони несколько ударов сердца, потом выдохнул, и она погасла — не ушла в землю, а растворилась в воздухе.

- Теперь ты. Повтори.

Она подошла к жиле и опустилась рядом. Протянула руку, но не над ней — над ней было страшно. Она опустила ла-

донь прямо к серебряному свету, и на миг всё замерло. Жила дрогнула, как струна, и пошла волной от её пальцев к стволу ближайшего дерева.

Марина не дёрнула руку. Она ждала, пока вибрация утихнет, и только тогда — медленным выдохом — вытянула искру из жилы. Она вошла в неё не через ладонь, а через подушечки пальцев, как всасывается вода из мокрой ткани. Без вспышки, без запаха озона, без треска — тихо, ровно, как будто жила ждала её пальцев.

Марина смотрела на свою руку, чувствуя, как по костям разливается тепло, и не решалась дышать. Искра лежала внутри, не рвалась наружу, не искала выхода. Она ждала.

Максим смотрел на неё сбоку, не двигаясь, молча, дольше, чем она привыкла. Потом он медленно сел на пятки, и в его голосе появилась та редкая нота, которую она слышала только однажды — когда он сказал «беги вниз, я за тобой».

-Ты сделала это ровно. Никто не учил. Дышала. Жила тебя взяла.

-И что это значит?

Он не ответил. Он смотрел на неё так, будто узнал что-то, чего не собирался узнавать. И в этом взгляде было не удивление — узнавание.— Дожать Максима, что он узнал в её выдохе.

Марина не убрала руку. Она сидела на пятках, глядя на жилу, которая ещё пульсировала под пальцами — медленнее, чем её пульс, но ровнее, без пауз. Искра уже лежала

внутри, не жгла, не рвалась, и это было страннее, чем вспышка в зале: тишина чужой силы под собственной кожей.

Она перевела взгляд на Максима. Он смотрел на неё так, как смотрят на вещь, которую держали в руках, но не решились назвать. Она ждала, пока он первый моргнёт. Он не моргал.

- Ты узнал что-то, когда я выдохнула. Я вижу это по тому, как замерли твои плечи, по тому, как ты смотрел на мои пальцы. Скажи.

Он молчал так долго, что ей показалось — он уйдёт в это молчание, как уходил всегда, оставляя её одну. Но он заговорил. Нехотя, с хрипотцой, будто каждое слово проталкивал через горло.

-Я узнал, что ты не берёшь силу. Ты её пропускаешь. Жила входит в тебя не как в сосуд, а как в русло — ты сквозная. Это не умение. Это порода. Такое бывает у тех, кто родился на границе, кто уже одной ногой стоит в другом мире, когда идёт по лесу. Ты не просто попаданка. Ты — дверь.

Он сказал это и сжал челюсть, будто выдал больше, чем собирался. Марина переваривала. Дверь. Не искра, не оружие, не провод — дверь. Это слово вошло в неё глубже, чем любой разряд.

Она смотрела на него, ожидая продолжения, но он уже поднимался, отряхивая колени. Разговор был закончен. Он уходил в темноту, оставляя её сидеть у жилы, с пульсирующим знанием под рёбрами.

Плац встретил её железным холодом и тишиной. Драган стоял в центре, в чёрных бинтах до локтей, руки скрещены на груди, и смотрел, как она входит в круг света, который отбрасывали редкие светлячки по периметру. Он не поздоровался.

-Стойка.

Она встала, как умела — ноги на ширине плеч, колени мягкие, центр тяжести внизу. Он обошёл её по кругу, не касаясь, разглядывая, как разглядывают бракованную деталь, которую можно перепаять.

-Искра у тебя уже есть. С ней ты разобралась без меня. Но искра — это топливо. Без стойки ты просто бочка, которая взорвётся от первого толчка.

-Стойка — это не когда ты не падаешь. Стойка — когда ты знаешь, куда упадёшь, и выбираешь направление.

Он гонял её по кругу, пока подошвы не стёрлись до блеска. Вставай, падай, вставай снова, не глядя, куда летят колени. Через час она перестала считать, сколько раз ударилась о камень. Через два — перестала чувствовать ссадины. На третьем часу он увёл её под землю.

Подземные коридоры были уже, ниже, стены дышали сыростью, и в каждом ответвлении стояли тренировочные манекены — не из дерева, из спрессованного песка, который светился в темноте, когда мимо проходил живой. Драган ставил её лицом к одному из таких манекенов и командовал:

- Выдох.

Она выпускала искру. Сначала она била мимо, сдирая песок со стен, оставляя на манекене чёрные кратеры. Драган не комментировал. Он молча передвигал её на полшага влево, на полшага вправо, поправлял угол плеча, сбивал дыхание в новый такт. Он не хвалил, не ругал. Он просто вправлял её в стойку раз за разом, как вставляют патрон в гильзу, пока она не совпадала с тем местом, куда он её целил.

На исходе четвёртого часа она стояла в полной темноте, с мокрой спиной и дрожащими руками, глядя на манекен, который горел ровным белым светом от края до края. Она попала. Первый раз — туда, куда целилась.

Драган остановился у входа, прислонившись плечом к сырому камню, и, глядя на дымящийся манекен, тихо, вполголоса, без тени насмешки, произнёс:

-Можешь упасть. Теперь ты знаешь, как встать.

Он ушёл, не оглядываясь. Марина осталась стоять в коридоре, одна, перед манекеном, который всё ещё светился, и знала: завтра её ждёт не этот песок. Завтра её ждут те, кто будет бить в ответ.Марина стояла под сводами подземелья, одна, перед манекеном, который догорал ровным белым светом. Она сделала выбор — не сорвать, не убежать, а отработать выдох до того, как солнце выйдет. И она отработала. Ладони ныли, плечи гудели, но искра теперь выходила не вспышкой, а движением — она знала, куда уйдёт сила, ещё до того, как воздух покинет лёгкие.

Драган не вернулся, чтобы проверить. Он оставил её там,

в сырости, с одним указанием: «Когда закончишь — найди выход сам». Она нашла. Поднялась из-под земли на плац, когда два солнца только начинали подниматься, и увидела его стоящим у входа, прислонившись к стене, с перевязью через плечо. Он не поздоровался. Он просто посмотрел на неё, потом на светлеющее небо и кивнул — коротко, без слов, и в этом кивке было всё: «Ты выдержала. Теперь — бой».

Арена Академии оказалась не круглой, как она ожидала, а квадратной, с высокими бортами, за которыми стояли скамьи. Студенты уже заняли свои места — человек пятьдесят, не меньше. Кто-то жевал травинки, кто-то выкрикивал ставки. В воздухе пахло пылью, нагретым камнем и тем особенным напряжением, которое бывает, когда весь зрительный зал ждёт, что ты сломаешься.

Марина вышла на арену одна. Напротив неё, у противоположного борта, переминалась с ноги на ногу группа третьего курса — пятеро парней в одинаковых тёмных формах, с гладкими, ещё не обожжёнными искрой лицами. Они переглядывались и усмехались, и в их позах читалось не желание победить, а желание показать, что они могут сделать с новенькой.

Ольгерд стоял на возвышении, возле судейского стола, сложив руки за спиной. Светло-серые глаза, аккуратная бородка, улыбка, которая не касалась ничего, кроме губ. Он не смотрел на неё прямо — он смотрел на арену, на группу третьего курса, на борт, за которым стояли зрители, и его

улыбка становилась шире, когда кто-то из студентов отпускал грубую шутку.

Он поднял руку, подавая знак к началу. Пальцы дрогнули, и с ними дрогнула тишина.

Марина не смотрела на него. Она смотрела на Драгана, который стоял у края арены, плечом к борту, не двигаясь. Он не вмешивался, не подсказывал, не подавал знаков. Он просто стоял, скрестив руки на груди, и не отводил взгляда от её лица.

Она поняла. Это было не «ты справишься» и не «я с тобой». Это было «я здесь, и я вижу, что ты не одна».

Третий курс пошёл первым. Не все сразу — двое вышли вперёд, остальные держались сзади, полукругом, оттесняя её к краю арены. Удары были не злыми, а методичными: в корпус, в плечо, под колено. Ни один не был опасным, но каждый был точным, и каждый сдвигал её с занятой позиции на полшага назад.

Она держалась. Уклонялась, подставляла руки, разрывала дистанцию шагом вбок. Искра на выдохе не выходила — она держала её, потому что знала: если выдохнет сейчас, бой окончится раньше, чем она поймёт, кто на самом деле её противник.

Ольгерд смотрел на арену с возвышения. Он не отводил глаз — не с неё, а с её спины, с того, как она держится, когда бой идёт не по сценарию.

Третий курс перестал быть полукругом. Он сомкнулся в

кольцо. Теперь их было пятеро, и они шли вплотную — не чтобы ударить, а чтобы прижать её к борту, лишить пространства для манёвра. Один из них, коренастый, с выбритой полосой на виске, подошёл к ней почти вплотную, дыша в лицо, заставляя отступить на шаг.

Марина встала. Она упёрлась пяткой в камень, согнула колени, выровняла позвоночник. Она не двинулась с места, когда коренастый надавил плечом. Она не отошла, когда двое слева и справа поджали дистанцию и заставили весь корпус уйти в защиту.

И тогда, в этом сомкнутом кольце, в этом безвыходном положении, когда она была готова выдохнуть, из-за спин третьего курса, с той стороны, откуда никто не ждал, вышел стеклянный.

Он не звенел. Он бесшумно встал у борта — высокая полупрозрачная фигура, собранная из осколков, с пустыми глазницами, которые смотрели ровно на неё, поверх голов тех, кто должен был её держать. Он не напал. Он ждал.

Тишина на арене стала плотной. Студенты замерли. Кто-то на скамьях охнул, кто-то выкрикнул нецензурное слово и тут же замолчал, когда понял, что тварь стоит не по ту сторону барьера, а внутри.

Марина смотрела на него, не дыша. Искра в пальцах замерла, как замирает вода перед тем, как ударить всем телом. Она знала: сейчас бой перестал быть учебным.

Ольгерд на возвышении не подал знака к остановке. Он

смотрел вниз, на арену, сложив руки за спиной, и улыбка на его лице не дрогнула.

Стеклянный шагнул вперёд — не к третьему курсу, а именно к ней, огибая кольцо, как будто знал, где искать, и не собирался ошибиться.

7глава

Марина стояла, не двигаясь, глядя прямо в пустые глазницы стеклянного. Он не нападал — он ждал, и это ожидание было страшнее любого броска. Она держала выдох наготове, но не выпускала его, прикусив язык, считая про себя: раз, два, три. Искра замерла под пальцами, как замерла бы вода перед тем, как ударить, — ни дрожи, ни тепла, только тишина.

Стеклянный шагнул ещё раз, огибая кольцо третьего курса, и в его движении было что-то неправильное — он не шёл на запах, он шёл по траектории, которая вела ровно к ней, как будто кто-то показывал ему путь. Она не оглянулась на Ольгерда, не искала подсказки у Драгана. Она просто ждала, пока стеклянный войдёт в тот радиус, где ей не придётся думать.

Он вошёл.

Она выдохнула.

Искра ударила не в корпус, не в плечо — в центр груди, где осколки сходились в одно целое. Вспышка с запахом озона, и стеклянный рассыпался искрящейся пылью, не долетев до земли. Третьекурсники, которые стояли у неё за спиной,

отшатнулись, врезавшись плечами в борт. Кто-то из них охнул, кто-то выругался. Зал затих.

Марина стояла в центре арены, одна, с пустыми ладонями, чувствуя, как по позвоночнику стекает пот. Она выиграла. Сейчас она могла бы упасть — но вместо этого она стояла, потому что знала: упадёт позже.

Она перевела взгляд на левую руку. Та висела плетью — не от боли, а от того, что искра прошла через плечо слишком широко, задев сухожилие, которое теперь не слушалось. Она сжала кулак на правой руке, чтобы проверить, что та ещё жива. Левая ответила дрожью, короткой, как электрический разряд, и затихла.

Она подняла голову, чтобы встретить взгляд Веллы. Та стояла у судейского стола, сложив руки так, будто держала что-то невидимое. Глаза её смотрели не на Марину, а на ту самую вспышку, которая уже затухала в воздухе, — она фиксировала, запоминала.

В этот миг, когда пыль стеклянного всё ещё висела в воздухе, искра, не найдя выхода в левой руке, ушла не в плечо, не в землю — сквозь. В воздухе, ровно перед её лицом, на секунду распахнулось окно. Не портал, не чёрная дыра, а свет, знакомый, влажный, пахнущий дождём и асфальтом.

Двор.

Те самые облупленные качели.

Морось, падающая с серого неба.

Она увидела это краем глаза — и окно захлопнулось, как

дверь, которую захлопнули с той стороны. Запах дождя ещё висел в воздухе, когда Марина выдохнула, и только тогда поняла: она не просто выиграла бой. Она открыла дверь туда, откуда пришла.

Велла шагнула к ней, перекрывая обзор. За спиной у неё стоял Драган — не двигаясь, не вмешиваясь, просто перекрывая угол, откуда мог ударить голос Ольгерда.

-Ты видела это. Видела, что сделала искра.

Марина кивнула. Она ещё не верила до конца, но уже знала: это было не случайностью.

Максим подошёл ближе — не вплотную, а на шаг сбоку, так, чтобы она его видела, но не поворачиваясь к нему спиной. Его лицо, которое она уже привыкла читать по скулам, стало другим: не испуганным, а застывшим, будто он увидел то, чего боялся увидеть с того самого дня, когда встретил её на камнях.

-Ты теперь знаешь, что это стоит. Не только рука.

Он замолчал, не закончив фразы, и это молчание было тяжелее любых слов.

Ольгерд поднялся на возвышение, выходя вперёд, так, чтобы все видели. Положил ладонь на перила — медленно, демонстративно, чтобы привлечь внимание, — и произнёс громко, гладко, с интонацией человека, который не оставляет сомнений:

Проректор Ольгерд: Эксперименты с искрой, способной разрывать границы мира, на территории Академии Светлого

Круга недопустимы. Это не обучение. Это угроза.

Он сказал это, и зал за его спиной загудел. Кто-то переглянулся, кто-то зашептался. Марина не смотрела на него — она смотрела на Максима, который стоял рядом, не сводя глаз с её левой руки.

Вечером, когда она вернулась в свою комнату при лаборатории и села на койку, глядя на ветку в стене, в дверь стукнули. Не ровно, не громко — три коротких удара костяшками, так, чтобы услышала только она.

Она открыла. На пороге стоял Максим, без куртки, без оружия, с перевязью на плече, которую он стащил во время боя и так и не поправил. Он не вошёл — он стоял на пороге, глядя ей в лицо, и сказал без приветствия:

-Собирайся. Идём смотреть, кто тебя приручает.

И в его голосе, ровном и тихом, было то, что она слышала только однажды — когда он сказал «беги вниз, я за тобой». Не просьба, не приказ. Факт.Марина размотала бинты, которые нашла в тумбочке, и перехватила левую руку от запястья до локтя — туго, на два слоя, перекусив кончик зубами. Пальцы слушались плохо, но боль ушла в глухой фон, и можно было сгибать локоть, если не торопиться. Она проверила узел, дёрнула за край, убедилась, что не развяжется, и только тогда подняла голову.

Огонь-светлячок над койкой погас.

Она не заметила, когда именно это произошло, — просто в какой-то момент комнату стало заливать не белым ровным

светом, а синим свечением из коридора. Оно липло к стенам и к живой ветке у потолка, и ветка на него отозвалась — сжалась, убрала искру с кончика, как улитка прячет рожки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.